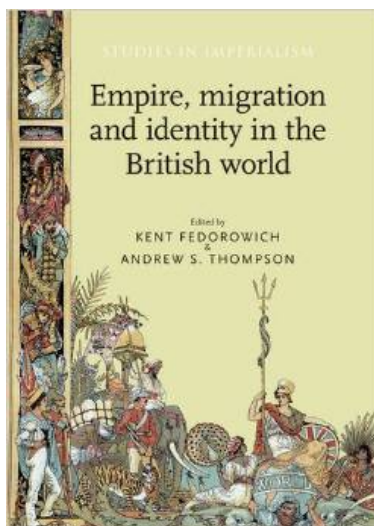

Fedorowich Kent and Andrew S. Thompson (eds.) *Empire, Migration and Identity in the British World*. Manchester University Press, 2013. xviii, 336 p. (Studies in Imperialism). ISBN-13: 978-0-7190-8956-5. (Хахалкина Е.В.)¹

«Британский мир» – понятие мало знакомое российскому читателю, гораздо ближе «Британская империя» или «Британская колониальная система». Уже заявленный в названии рецензируемой книги термин – не общеупотребительный и в зарубежной историографии – придает ей несомненную новизну как в методологическом, так и в историко-прикладном значениях.

Коллективная монография, вышедшая в серии «Исследования империализма», стала результатом проведения ряда конференций, посвященных разным аспектам истории Британской империи, включая проблемы идентичности и эмиграции в имперский и постимперский периоды (Р. 2).

Название книги – «Empire, Migration and Identity in the British World» – вполне соответствует исследовательским задачам, обозначенным во вводных текстах. Вопросы миграции и идентичности на стыке истории, антропологии, культурологии, социологии уже не первый год находятся в центре научных поисков современных исследователей (Webster 2006; Tonkiss 2013). Такая ситуация обусловлена возрастающим пониманием важности изучения проблем идентичности в «имперском разрезе». Продолжающиеся уже более года события на Украине

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

со всей очевидностью продемонстрировали наличие глубокого конфликта разных ментальностей или разных идентичностей внутри одного государства. В российском политическом и общественном дискурсе происходящие события сделали популярным термин «Русский мир». Так же как «Британский мир», этот термин имеет прямые отсылки к имперскому периоду и постимперскому развитию государства.

Книга включает 11 глав, предваряет которые достаточно внушительное по объему и смысловому наполнению введение, подготовленное редакторами К. Федоровичем (Университет Западной Англии, Бристоль) и Э. Томпсоном (Эксетерский университет, Англия). По их мнению, многочисленные теории империализма, рожденные во второй половине прошлого века, «жонглировали массивом разных факторов – экономическими, политическими, военными, стратегическими и, позднее, идеологическими и культурными – в попытках объяснить причины и следствия заморской экспансии европейских стран» (Р. 1). Эмиграция попадала в исследовательское поле нечасто, прежде всего потому, что представляет собой **«ускользающий феномен»**: «внутри империи диаспоры эмигрантов – любой этничности или национальности – редко наносились на карту точно в соответствии с формальными границами колониального управления, что затрудняло их изучение» (Р. 1).

«Три кита», на которых, согласно Федоровичу и Томпсону, базируется понятие «Британского мира» – это «диаспора, культура и идентичность» (Р. 2), и именно в соответствии с таким пониманием komponуются главы книги.

Проблемы диаспоры и эмиграции затронуты в работах Э. Ридардса, К. Левитан, М. Лэнгфилд, С. Констэнтайна и Р. Брайта. Австралийский историк Э. Ричардс в главе «Мальтус и использование британской эмиграции» (“Malthus and the uses of British emigration”, p. 42–59) «реабилитирует» теорию Мальтуса в той ее части, которая касается объяснения причин и роли эмиграции в развитии экономики Британии. Мальтус верно оценивал ее значение как источника пополнения рабочей силы в аграрном секторе страны, испытывавшем серьезные трудности в условиях начавшейся промышленной революции. Из этого факта он, однако, делал ошибочные выводы о неизбежном истощении ресурсов и замедлении экономического роста, в то время как недоступные в то время Мальтусу данные статистики показывают беспрецедентный рост объемов национального продукта в середине XVIII в. (Р. 48–49). К. Левитан в главе ««Произошли из самих себя»: Британские интерпретации расовой демографии середины XIX в.» (“«Sprung from ourselves»: British interpretations of mid-nineteenth-century racial demographics”, p. 60–81) тематически продолжает эти рассуждения. На основании анализа данных британских переписей населения XIX в. автор показывает эволюцию отношения британских властей к эмиграции и насыщению

ее новыми значениями: сначала эмиграция рассматривалась как «полезное средство борьбы с избытком населения», с нарастанием же мальтизианских страхов прирост населения и эмиграция в доминионы и колонии стали средством демонстрации могущества и мирового влияния Британии (Р. 62).

Длительную историю отношения Британии и доминионов имеют в сфере «детской эмиграции». М. Лэнгфилд в главе «Исправление записи? Британская детская миграция: дело Миддлмор Хомс, 1872–1972» (“Righting the record? British child migration: the case of Middlemore Homes, 1872–1972”, р. 150–168) на примере организации «Миддлмор Хомс» исследовала причины и последствия массовой отправки детей в британские доминионы. Так, в 1869–1939 гг. более 100 тыс. детей (в австралийской историографии они получили название «украденное поколение») «были перемещены из сиротских и работных домов, семей и улиц Великобритании» в Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Родезию. Примерно 50 британских организаций были вовлечены в ювенальные миграционные проекты (Р. 150), из них особо успешной была деятельность «Миддлмор Холмс». За всю свою историю она взяла под опеку 8 тыс. детей, из них в 1872–1949 гг. более 6 тыс. эмигрировали в Канаду и Австралию. Сохранившиеся документы организации показывают, что большинство этих детей стали добропорядочными гражданами указанных стран. Одна из причин этого феномена кроется в том, что в отличие от многих других аналогичных организаций «Миддлмор Холмс» не забирала детей без согласия родителей и не помещала их в социальные учреждения после их прибытия на место, а определяла в заранее найденные приемные семьи. Нужно добавить, что «детская эмиграция» соответствовала интересам как метрополии, так и доминионов. Первая решала проблемы, связанные с наличием большого слоя «низших классов» общества и перераспределением населения от густонаселенного центра в слабонаселенные доминионы. В свою очередь доминионы решали проблему нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве и сфере услуг, предпочитая – в соответствии с малоскрываемыми расистскими установками того времени – не азиатских, а именно белых мигрантов.

Вопросы методологического характера – что есть диаспора – затрагиваются С. Констэнтайном в главе «Дорогая Грэйс... Любимая Мэйд: интерпретация писем мигрантов из Австралии, 1926–1967» (“Dear Grace... Love Maidie”: interpreting a migrant’s letters from Australia, 1926–1967”, р. 192–213). Анализируя письма двух сестер из семьи квакеров в Уэльсе, Мэнди и Грейс, эмигрировавших внутри страны и империи, адресованные друг другу, он пытается понять, какое влияние эмиграция за пределы Британии оказывала на их восприятие себя в новом сообществе.

Такой анализ неизбежно приводит автора к вопросу о сущности термина «диаспора», который в некоторых случаях используют как синоним нейтрального «миграция» или «имперское поселение» (Р. 192). Констэнтайн не считает такие синонимы в полной мере методологически оправданными, обращая внимание на этимологию слова: в переводе с греческого диаспора – это рассеивание или распространение (*scattering*). Автор приводит следующий сюжет: в 1934 г. Мэйди писала Грейс, что переехала из квакерского сообщества Англии в квакерское *заморское общество* (вместо термина «диаспора» автор использует в данном случае другой – *connections overseas*) в Мельбурн, Австралия (Р. 203). В ее письмах нет и намека на ощущение чужой среды в новой стране. Такая ситуация закономерна: британские доминионы в своей основе являлись переселенческими колониями, что придавало особый характер отношениям Британии с Австралией, Канадой, Новой Зеландией и – в меньшей степени – с Южно-Африканским союзом. Стоит отметить, что и авторы других статей сборника в основном имеют дело с частными историями эмигрантов, которые при переселении в доминионы почти не испытывали сложностей с включением в близкую им культуру, но все же используют термин «диаспора», что представляется некоторым упрощением.

Акценты в этом вопросе расставляет Р. Брайт. В главе «Азиатская миграция и Британский мир: 1850–1914» (“Asian migration and the British World, c. 1850–c. 1914”, p. 128–149) автор обращает внимание на роль и влияние «людей с другим цветом кожи на «Британский мир», доказывая, что в доминионах и колониях белые эмигранты образовывали «сильные сообщества с тесными связями» *только* в случаях противопоставления себя «азиатским» мигрантам» (Р. 128). Их идентичность формировалась на «стереотипе об азиатском захватчике» (Р. 145), под которым подразумевался не «захватчик» как таковой, а претендент на их рабочее место.

Брайт показывает, как желание ограничить азиатскую миграцию стало серьезным вызовом единству Британской империи. Принятые в XIX в. договоры с Китаем и Японией о свободной миграции их граждан внутри Британской империи при наличии у них рабочего контракта с британскими частными лицами или фирмами не только отвечали политическим целям Лондона, но и укладывались в разработанную в конце XIX в. концепцию «более расширенной британской идентичности» (*greater Britain*), включающей жителей доминионов и колоний. Довольно скоро выяснилось, что население метрополии не готово к массовому приему именно азиатских мигрантов, и эта концепция, как известно, потерпела провал. С 1907 г. азиатская иммиграция в Британию практически прекратилась, и был сделан выбор в пользу белых мигрантов из европейских стран (Р. 145), численность которых стала быстро увеличиваться.

Надо заметить, что описанные автором сюжеты воспринимаются как слепок с современных мультикультурных проблем Европейского союза: уже не первый год ведущие западноевропейские страны, включая Великобританию, зажаты в тиски нелегкой дилеммы: каким образом ограничить потоки иммигрантов из азиатских и африканских государств, не нарушая базовые принципы ЕС о свободе передвижения и девиз организации «Единство в многообразии». Исследователи уже говорят о сложившемся в странах Евросоюза «феномене параллельных обществ» из обособленно проживающих сообществ местного населения и иммигрантов и их потомков, «которые терпят, но не доверяют и не спешат открываться друг другу» (Камкин 2014: 163).

Проблемы культурного взаимовлияния внутри «Британского мира» – второго «кита» исследуемого в книге феномена – раскрываются А. Джонсом и Х.М. Кэри. А. Джонс в главе «Сопrotивление и проживание в христианской миссии: Уэльское пресвитерианство в Силгете, Восточная Бенгалия, 1840–1940» (“Resistance and Accommodation: Welsh Presbyterianism in Sylhet, Eastern Bengal, 1860–1940”, p. 107–127) подчеркивает факт культурного влияния не только метрополии на колонии, но и колоний на культуру и политические взгляды жителей Великобритании. Это не новая мысль, но автор подтверждает ее на малоизвестных сюжетах, в очередной раз демонстрирующих, что «великий западный нарратив “бремени” расового, морального и культурного превосходства... приходит в несоответствие с живым историческим опытом колонизации...» (Р. 107). Так, в 1920-е гг. индийские миссионеры пытались распространить среди валлийцев, метавшихся от либерализма к социализму и национализму на фоне беспорядков в регионе, учение сварадж (Р. 123). Эти попытки имели определенные успехи, и из этого учения были восприняты идеи самоуправления и политической децентрализации. Еще более тесным было взаимовлияние доминионов и метрополий, особенно ярко заметное на примере отношений, развивавшихся по синусоиде – от конкуренции до сотрудничества, – Британии и Австралии. Х.М. Кэри в главе «Религиозный национализм и эмиграция клерикалов в Австралию, 1828–1900» (“Religious nationalism and clerical emigrants to Australia, 1828–1900”, p. 82–106) исследует природу этих отношений, делая вывод об особой «культурной и эмоциональной» связи двух стран, наиболее ярко прослеживающейся на примере эмиграции британских священнослужителей в Австралийский союз в XIX в.

Проблемы идентичности – третьего элемента «Британского мира» – освещаются в главах, подготовленных Л. Чилтон, Дж. Даффи, Э.Дж. Хаммертоном, Э. Пасмор и Э.С. Томпсоном. Глава «Путешествующий колонист: британская эмиграция и создание англо-канадской привилегии» (“Travelling colonist: British emigration and the construction of Anglo-Canadian Privilege”, p. 169–191), написанная Л. Чилтон, остав-

ляет неоднозначное впечатление. В ней затронуты вопросы формирования англо-британской идентичности в Канаде. Автор ставит целью опровергнуть устоявшуюся в британской и канадской и в целом в западной историографии точку зрения о том, что канадскую нацию сформировали только люди британского происхождения. Л. Чилтон настаивает, что Канада к началу XX в. вобрала в себя «многие тысячи немцев, австрийцев, русских, скандинавов, поляков, украинцев, итальянцев, китайцев, евреев и африканских канадцев» (Р. 187). Однако этот тезис лишь подтверждает, как мне кажется, давно доказанную в отечественной историографии точку зрения на проблемы этнической истории Канады (см.: Тишков 1977; Тишков, Кошелев 1982). Собственно, сам факт того, что Канада и в западной, и в российской историографии признается мультикультурной страной, как представляется, уже подтверждает влияние на формирование идентичности ее населения различных национальных групп.

Несомненной исследовательской новизной отличается материал, подготовленный Дж. Даффи. В главе «Остаться или вернуться “домой”»: решения поселенцев после образования Замбии» (“*Staying on or going «home»: Settlers’ decisions upon Zambian independence*”, р. 214–231) автор методом интервьюирования зафиксировала идентичность не пожелавших вернуться на родину британцев и их потомков после обретения британскими колониями суверенного статуса в контексте их отношений с новыми режимами на примере Замбии – осколка получившей независимость в 1960 г. Центральноафриканской Федерации. Такая постановка проблемы отличается несомненной новизной – как справедливо указывает Дж. Даффи, множество работ посвящено отношениям получивших независимость государств и бывшей метрополии, в то время как положение британцев при новых – подчас враждебных – режимах остается малоизученным. Дж. Даффи пыталась определить, кем себя ощущают и как себя идентифицируют поселенцы и их потомки, на основании ряда интервью сделав вывод о наличии у них множественной идентичности. Продолжает рассуждения об идентичности глава Э.Дж. Хаммертона «“Я гражданин мира”: британская эмиграция конца XX в. и глобальные идентичности – конец “Британского мира”?» (“*“I am a citizen of the world”: late twentieth-century British emigration and global identities – the end of «British World»?*”, р. 232–246), в которой автор обращает внимание на такой мало изученный и явно перспективный сюжет, как история мобильности женщин. Нельзя не согласиться с Хаммертоном в том, что в соответствии со сформировавшимся стереотипом «глобальная мобильность XX в. – в основном мужское дело», в действительности же женщины уже с 1950-х гг. начинают эмигрировать внутри империи – сначала это были эпизодические поездки вместе с семьей, позднее – в поиске работы (р. 240–243). Ответ же автора на

вопрос, сформулированный в названии главы, однозначен: внутри «Британского мира» по-прежнему сохраняются наиболее интенсивные миграционные потоки, участники которых разделяют и осознают свою принадлежность к нему, а значит говорить о «конце Британского мира» явно преждевременно (Р. 244–245).

Роль деколонизации в формировании миграционных стратегий Великобритании и Франции после Второй мировой войны рассматривается Э. Пассмор и Э.С. Томпсоном в главе «Мультикультурализм, деколонизация и иммиграция: политика интеграции Британии и Франции после Второй мировой войны» (“Multiculturalism, decolonization and immigration: integration policy in Britain and France after the Second World War”, р. 247–264). Сравнивая британский мультикультурализм и французский республиканизм, они приходят к выводу, что тот и другой варианты интеграции мигрантов представляют собой две противоположные парадигмы.

Во-первых, в рамках республиканской модели французские граждане воспринимались законодательством как равные перед государством субъекты вне зависимости от страны происхождения и цвета кожи, в то время как британский подход в целом характеризовался более коммунитаристским идеалом, основанным на признании и гостеприимстве к различным религиозным верованиям, культурам, языкам и традициям этнических меньшинств (Р. 251).

Во-вторых, если привлечение рабочих рук из колоний после Второй мировой войны для Франции было частью экономической политики планирования, то для Британии массовый наплыв темнокожих мигрантов в 1950-е гг. в какой-то степени стал неожиданностью. Британское правительство К. Эттли, приняв Акт о гражданстве 1948 г., гарантирующий жителям колоний и стран Содружества право селиться, голосовать и пользоваться всеми услугами, предоставляемыми Великобританией своим гражданам, включая получение британского паспорта, не предполагало, что воспользоваться предоставленными возможностями пожелает такое количество выходцев из бедных стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана (подробнее см.: Хахалкина 2014). Уже с начала 1950-х гг. в британском правительстве начинают циркулировать идеи об ограничении «цветной» миграции; в этой связи вполне оправданным представляется сравнение авторами дебатов в Великобритании о сокращении иммиграции 1950-х гг. с аналогичными дебатами 2000-х гг.

Коллективная монография, идейно и композиционно выдержанная в единой логике, бесспорно, отличается новизной подходов. Впервые прозвучавший в начале 1990-х гг. термин «Британский мир», по сути, остается малоизученным как особый феномен. Желание авторского коллектива определить его составляющие, подчеркнуть особую роль культурного фактора, сущность эмиграции и идентичности на разных уровнях «Бри-

танского мира» доказывает методологическую правомочность использования этого термина и перспективы продолжения насыщения его новыми составляющими. Книга «*Empire, Migration and Identity in the British World*», несомненно, будет полезна исследователям, специализирующимся в области миграции, идентичности и мультикультурности, а также всем, кто профессионально занимается проблемами «Британского мира».

Е.В. Хахалкина

Томский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 6.10.2014 г.

Литература

Webster A. The Debate on the Rise of the British Empire. Manchester: Manchester University Press, 2006.

Tonkiss K.E. Migration and Identity in a Post-National World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

Камкин А.К. Демографические проблемы Европы // Большая Европа. Идеи, перспективы, реальность. Под ред. А.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 145–165.

Тишков В.А. Страна кленового листа: начало истории (Канада) / Под ред. Н.А. Ерофеева. М.: Наука, 1977.

Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982.

Хахалкина Е.В. Мультирасовое общество: фобии и декларации миграционной политики Великобритании в 1948–1962 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. 2014. № 4 (31). С. 202–209.

Khakhalkina Elena V., Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Review of Fedorowich Kent and Andrew S. Thompson (eds.) *Empire, Migration and Identity in the British World*. Manchester University Press, 2013. – xviii, 336 p. (Studies in Imperialism). ISBN-13: 978-0-7190-8956-5.

References

Webster A. *The Debate on the Rise of the British Empire*. Manchester, Manchester University Press, 2006.

Tonkiss K.E. *Migration and Identity in a Post-National World*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013.

Kamkin A.K. Demograficheskie problemy Evropy [Demographic problems of Europe], *Bol'shaia Evropa. Idei, perspektivy, real'nost'* [Greater Europe. Ideas, perspectives, reality], eds. A.A. Gromyko, V.P. Fedorov. Moscow: Ves' mir, 2014, pp. 145–165.

Tishkov V.A. *Strana klenovogo lista: nachalo istorii (Kanada)* [Maple Leaf country: the beginning of history (Canada)], ed. by N.A. Erofeev. Moscow: Nauka, 1977.

Tishkov V.A., Koshelev L.V. *Istoriia Kanady* [The history of Canada], Moscow: Mysl', 1982.

Khakhalkina E.V. Mul'tirasovoe obshchestvo: fobii i deklaratsii migratsionnoi politiki Velikobritanii v 1948–1962 gg. [A multiracial society: phobias and declarations of Great Britain's migration policy in 1948–1962], *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University. Research Journal], 2014, no. 4 (31), pp. 202–209.